

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

Дочь Монтесумы Прекрасная Маргарет Перстень царицы Савской

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 13

В оформлении книги использованы иллюстрации
Мориса Грайфенхагена
(Maurice Greiffenhagen, роман «Дочь Монтесумы»),
Джозефа Ретклифа Скелтона
(Joseph Ratcliffe Skelton, роман «Прекрасная Маргарет»),
Венцеслава Черны
(Věnceslav Černý, роман «Перстень царицы Савской»)

Перевод с английского
Феликса Мендельсона, Бориса Грибанова,
Андрея Полошака

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

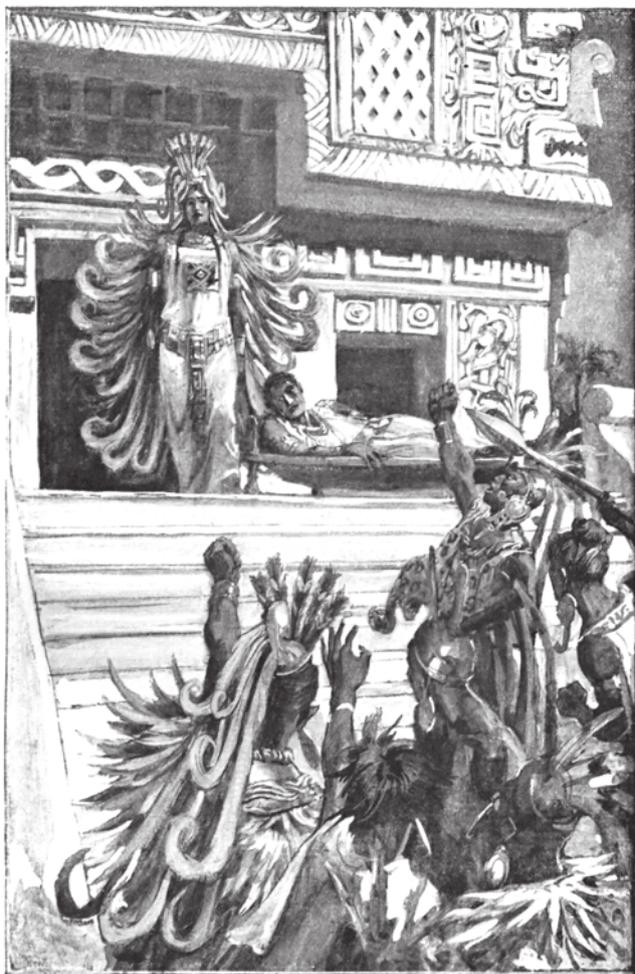
Иллюстрация на обложке Эмануэля Готлиба Лойце

Составитель Александр Лютиков

© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 1960
© Б. Т. Грибанов (наследник), перевод, 1957
© А. С. Полошак, перевод, 2019
© Издание на русском языке, состав,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16355-3

Дочь Монтесумы

Глава I

ПОЧЕМУ ТОМАС ВИНГФИЛД РАССКАЗЫВАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

Хвала Богу, даровавшему нам победу! Сила Испании сломлена, корабли ее потонули или бежали, морская пучина поглотила сотни и тысячи ее моряков и солдат, и теперь моя Англия может вздохнуть спокойно. Они шли, чтобы покорить нас, чтобы пытаться нас и сжигать живьем на кострах, они шли, чтобы сделать с нами, вольными англичанами, то же самое, что Кортес сделал с индейцами Анауака¹.

У наших сыновей они хотели отнять свободу, а у наших дочерей — честь; наши души они хотели отдать попам, а наши тела и все наше достояние — папе римскому и своему императору! Но Бог ответил им бурей, а Дрейк² ответил им пулями. Они исчезли, и вместе с ними исчезла слава Испании.

Я, Томас Вингфилд, услышал об этом сегодня, в четверг, на бангийской базарной площади, куда приехал, чтобы потолковать с людьми и продать яблоки — те, что уцелели в моем саду после страшных штормовых ветров, оголивших в нынешнем году почти все деревья.

Всякие слухи доходили до меня и раньше, но сегодня в Банги я встретил человека по имени Юнг, из рода ярмутских Юнгов, который сам сражался на ярмутском корабле в битве при Гравелине, а потом преследовал испанцев дальше на север, до тех пор, пока они не погибли в Шотландском море.

Говорят, что малое порождает великое, но здесь случилось наоборот: великое породило малое. Эти славные события побудили меня, Томаса Вингфилда из Лоджа, прихожанина дитчингемского прихода графства Норфолк, взяться на склоне лет за перо и бумагу,

¹ *Анауак* — государство ацтеков, которое было расположено на территории современной Мексики. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² *Фрэнсис Дрейк* — английский мореплаватель и пират, участник разгрома Непобедимой армады (флота Испании) в Гравелинском сражении (1588).

несмотря на глубокую старость и на то, что жить мне осталось совсем немного.

Десять лет назад, в 1578 году, когда наша милостивая королева Елизавета была проездом в здешних краях, ее величество пожелала увидеть меня в Норидже. В тот день она сказала, что слухи обо мне дошли до нее, и повелела рассказать ей что-нибудь интересное из моей жизни, вернее — из тех двадцати с лишним лет, которые я провел среди индейцев в то время, когда Кортес покорял их страну Анауак, известную ныне под именем Мексики. Но едва я успел приступить к рассказу, как ее величеству уже пришлось отправляться в Коссэй на оленю охоту. Уезжая, королева пожелала, чтобы я изложил свою историю на бумаге, дабы она могла ее прочесть, и сказала, что, если эта история окажется хотя бы наполовину столь занимательной, какой обещает быть, она пожалует мне титул баронета и я окончу свои дни сэром Томасом Вингфилдом. На это я ответил, что никогда не умел обращаться с такими вещами, как перо и бумага, однако повеление ее величества постараюсь исполнить. Затем я осмелился преподнести ей большой изумруд, один из тех, что некогда украшали шею дочери Монтесумы, а до нее — многих других принцесс. При виде этого изумруда глаза ее величества засверкали так же ярко, как сам драгоценный камень, ибо наша королева любит подобные безделушки. Наверное, если бы я захотел, я мог бы заключить с нею сделку и тут же получить свой титул в обмен на изумруд, но я много лет был вождем могущественного племени и теперь не желал становиться чьим бы то ни было слугой. Поэтому я просто поцеловал королевскую руку, которая так крепко сжала драгоценный камень, что все косточки ее побелели, простился и в тот же день вернулся к себе домой в долину Уэйвни.

Я не забыл, однако, пожелания королевы и давно уже собирался изложить на бумаге историю своей жизни, пока моя жизнь и моя история не оборвались одновременно. Для меня, человека в подобных делах неискушенного, задача эта поистине нелегка. Но мне ли страшиться трудностей, когда уже близок час вечного отдохновения? Я повидал такое, чего не видел ни один англичанин и о чем стоит порассказать.

Жизнь моя была необычайна. Много раз, когда я думал, что уже погиб и спасения нет, Провидение спасало меня, может быть, только для того, чтобы люди узнали мою историю и извлекли из нее урок, ибо все, что я пережил и перевидал, свидетельствует об одной непреложной истине: зло никогда не приносит добра, зло порождает

дает только зло и в конце концов обрушивается на голову того, кто его творит, будь то один человек или целый народ.

Вспомните хотя бы судьбу Кортеса, этого великого завоевателя! Я его знал в те дни, когда он обладал почти божественной властью, а лет сорок назад, как мне говорили, прославленный Кортес умер в Испании в немилости и нищете¹. Так-то! И еще я слышал, что сын Кортеса, дон Мартин, был подвергнут пыткам в том самом городе, который его отец с такой неслыханной жестокостью завоевывал для испанцев. Все это в порыве отчаяния предсказала Кортесу первая и любимейшая из его подруг Малиналь — испанцы ее называли Мариной, — когда Кортес бросил ее и отдал в жены дону Хуану Харамилью, позабыв обо всем, что их связывало, и о том, что она не раз спасала от верной смерти его самого и его солдат.

А вспомните судьбу самой Марины! Она любила своего мужа Кортеса, или Малинцина, как его начали из-за нее называть индейцы, и ради нее предала свою родину. Если бы не Марина, испанцы никогда бы не овладели Теночтитланом, или, как теперь говорят, Мехико. Ради своей любви она пожертвовала честью, но что она получила взамен? Что хорошего принесло ей содеянное зло? В награду за все, когда красота Марины поблекла, ее отдали в жены другому, менее знатному человеку, точно так же, как отслужившую свое скотину продают более бедному хозяину.

Вспомните также судьбу столь могущественного народа, как народ Анауака. Он творил зло во имя добра; в жертву своим ложным богам он приносил тысячи человеческих жизней, надеясь, что боги пошлют ему мир, благоденствие и богатство на многие поколения. Но как ответил им истинный Бог? Вместо богатства он ниспослал разорение, вместо мира — испанский меч, а вместо благоденствия — горе, пытки и рабство. И все это потому, что они приносили своих детей на алтари Уицилопочтли и Тескатлипоки².

Или возьмите самих испанцев. Во имя милосердия они творили такие жестокости, какие и не снились язычникам-ацтекам; во имя Христа они каждодневно нарушали все его заповеди. Неужто они будут торжествовать, неужто эти злодеяния принесут им счастье? Я слишком стар и не доживу до того, чтобы увидеть собственны-

¹ В действительности завоеватель Мексики Эрнандо Кортес (1485–1547) до конца своих дней был несметно богат и носил титул герцога.

² *Уицилопочтли* — «колдун колибри», бог войны и солнца; *Тескатлипока* — «дымящееся зеркало», главный бог ацтеков. Обоим богам приносили человеческие жертвы.

ми глазами ответ на мой вопрос. Но уже теперь ответ этот ясен. Я знаю, что все злодеяния испанцев падут на их собственные головы, и уже теперь вижу этот самый гордый на свете народ обесславленным, обесчещенным и разоренным, несчастным заморышем, у которого нет ничего, кроме великого прошлого. То, что Дрейк начал недавно под Гравелином, Бог в иное время завершит повсеместно. От могущества Испании не останется и следа, империя испанцев исчезнет, как исчезла империя Монтесумы.

Так вершатся события великие, о которых известно всем, и точно так же было в жизни столь безвестного человека, как я, Томас Вингфилд. Воистину небеса были милостивы ко мне: они дали мне время раскаяться в грехах, которые обратились против меня самого, ибо я присвоил себе право Всемогущего и возомнил себя орудием мести в его деснице. То была справедливая кара! Зная это, я и решил написать историю своей жизни, дабы она послужила другим в назидание.

Как я уже говорил, мысль эта зрела во мне долгие годы, хотя, по совести сказать, впервые заронила ее королева. Но лишь теперь, когда я достоверно узнал о судьбе Непобедимой армады, эта мысль дала наконец росток. А принесет ли она плод — бог весть! Ибо события последних дней странным образом взволновали меня и перенесли во времена моей юности, наполненной страстями, битвами и невероятными приключениями, когда я сражался против тех же самых испанцев за себя, за Куаутемока и за народ отоми. Давно я не вспоминал об этом, и сейчас те годы вновь оживают передо мной. У меня такое чувство, словно то, что я пережил в далеком прошлом, и было моей настоящей жизнью, а все остальное — лишь сновидением. Со стариками такое случается.

Из окна комнаты, где я пишу, видна мирная долина Уэйвни. За рекой простираются обширные земли, поросшие золотистым дробком, дальше виднеются развалины замка и красные крыши Банги, сгрудившиеся вокруг колокольни церкви Святой Марии, а еще дальше раскинулись королевские леса Стоува и поля фликстонского аббатства. На правом крутом берегу реки зеленеют дубравы Иршема, по лугам низменного левого берега, словно пестрые пятна, чуть приметно движутся стада Беклса и Лоустофта, а позади по травянистому склону холма, который в старину называли Графским Виноградником, поднимаются террасами мой парк и фруктовый сад. Все тут, но сейчас у меня такое чувство, словно ничего этого

не существует. Вместо долины Уэйвни я вижу долину Теночтитлана, вместо косогоров Стоува — снежные склоны вулканов Истаксиуатля и Попокатепетля, вместо шпиля Иршема и колоколен Банги, Дитчингема и Беклса передо мной вздымаются жертвенные пирамиды, озаренные священным пламенем, а там, где на мирных лугах пасутся стада, я вижу всадников Кортеса, рвущихся в бой. Все вернулось ко мне. Все, что было жизнью, остальное — сон.

Я снова чувствую себя молодым, и теперь, если судьба даст мне время, я постараюсь рассказать историю своей жизни, прежде чем отойду в мир вечных сновидений и навсегда упокоюсь на деревенском кладбище.

Я давно уже начал свой труд, но, пока была жива моя дорогая жена, покинувшая меня совсем недавно, в прошлое Рождество, завершить его я все равно бы не смог. По совести говоря, моя жена любила меня так, как, я думаю, мало кого любили. Мне посчастливилось. Но в моем прошлом было много такого, что омрачало ее любовь и вызывало в ней ревность. Впрочем, это чувство смягчалось в ее благородной душе самым искренним и полным прощением. Сердце моей жены терзало иное тайное горе, и я это знал, хотя сама она никогда ничего не говорила.

У нас родился лишь один ребенок, да и тот умер в младенчестве. Сколько жена ни молила Бога послать ей другого, все мольбы ее оставались тщетными, и я, вспоминая слова Отоми, думал, что вряд ли эти мольбы помогут. Но жена моя знала, что прежде за океаном у меня были дети от другой женщины, которых я любил и которых буду всегда любить, хотя все они умерли много лет назад, и это терзало ей душу. Она могла простить, что я был женат на другой, но то, что эта женщина родила мне детей, которые были все еще дороги моему сердцу, — этого она, даже все простив, забыть не могла, ибо сама была бездетна.

Я мужчина и не могу объяснить причину ее тоски. Кто поймет любящее женское сердце? Но было именно так. Однажды мы даже поссорились из-за этого, поссорились в первый и последний раз.

Случилось это на второй год после нашей свадьбы, через несколько дней после того, как мы похоронили на дитчингемском кладбище наше дитя. Однажды ночью, когда я спал рядом с моей женой, мне приснился удивительно яркий сон. Мне снилось, что вокруг меня собрались все мои сыновья, все четверо, и самый большой держал на руках моего первенца, младенца, умершего во время

великой осады. Они пришли ко мне, как частенько приходили в те времена, когда я правил народом отоми в Городе Сосен, они говорили со мной, одаривали меня цветами и целовали мне руки. Я любовался их силой и красотой, и гордость переполняла мое сердце. Во сне мне казалось, словно я избавился от большого горя, словно я наконец опять встретил моих дорогих детей, которых навсегда потерял. Увы! Что может быть страшнее подобных снов? Сновидения, как бы насмехаясь над нами, воскрешают мертвых, возвращают нам тех, кто дорог, а потом рассеиваются и оставляют нас в еще большей и горшей скорби.

Так вот, мне явилось подобное сновидение, и во сне я разговаривал со своими детьми, называя их самыми ласковыми именами, пока наконец не проснулся. И тогда, ощутив всю боль утраты, я разрыдался в голос.

Было уже раннее утро. Лучи августовского солнца проникали в окно, но я все еще продолжал лежать и плакать. Окруженный видениями сна, я повторял сквозь слезы имена тех, кого уже никогда не увижу. Я надеялся, что жена моя спит, но случилось так, что она проснулась и слышала, как я разговаривал с мертвыми и во сне и потом. И хотя я произносил некоторые слова на языке отоми, все остальное было на английском, а потому, зная имена моих детей, жена все поняла. Внезапно она соскочила с постели и встала предо мной. В глазах ее сверкал такой гнев, какого я в них не видал никогда — ни до, ни после. Но и в этот раз он почти тотчас сменился слезами.

— Что с тобой, жена моя? — спросил я с удивлением.

— Ты думаешь, мне легко слышать такие слова из твоих уст? — сказала она в ответ. — Разве мало того, что я пожертвовала ради тебя своей молодостью и была верна тебе даже тогда, когда все до последнего считали тебя погибшим? О том, как ты сам хранил мне верность, тебе лучше знать. Но разве я хоть когда-нибудь упрекала тебя, хотя ты позабыл меня и женился на дикарке?

— Никогда, моя милая. Но ведь и я никогда тебя не забывал, — ты это прекрасно знаешь. Меня только удивляет, что ты ревнуешь к той, которой давно уже нет!

— Разве к мертвой ревнуют? Можно спорить с живыми, но как бороться с любовью, которую смерть отметила печатью совершенства и сделала бессмертной? Однако это я тебе прощаю, потому что могу потягаться с той женщиной. Ведь ты был моим до нее и остался

моим после. Но дети, дети — это другое дело! Дети были только ее и твоими. Моего в них нет ни кровиночки, ни частицы. И я знаю, что ты любил их живых, любишь их мертвых и будешь любить их вечно, даже за гробом, если только встретишься с ними на том свете. А я уже стара. Я постарела за те двадцать с лишним лет, пока ждала тебя, и теперь я уже не рожу тебе других детей. Я принесла тебе одного, но Бог прибрал его, чтобы я не была слишком счастлива. Ты даже имени его не произнес среди тех других странных имен! Мой несчастный крошка был для тебя слишком маленьким!..

Здесь она запнулась и залилась слезами, а я счел за лучшее промолчать, ибо действительно между теми детьми и этим ребенком была большая разница: все мои сыновья, за исключением первенца, умерли почти юношами, в то время как ее младенец не прожил и двух месяцев.

Так вот, когда королева впервые подсказала мне мысль написать историю моей жизни, я сразу вспомнил об этой размолвке со своей любимой женой. Я не мог написать правду, потому что мне пришлось бы умолчать о той, которая также была моей женой, об Отоми, дочери Монтесумы, принцессе народа отоми, и о детях, которых она мне родила. И вот я решил тогда вовсе не браться за перо, потому что, хотя мы почти не говорили об этом за все прожитые вместе годы, я знал, что моя Лили ничего не забыла и ревность ее, будучи особого, более тонкого свойства, не только не угасала со временем, а, наоборот, возрастала. Написать же обо всем так, чтобы жена моя ничего не знала, я не мог, ибо до последних дней она следила за каждым моим шагом и, кажется, даже читала мои мысли.

Так мы и старели бок о бок, и годы текли безмятежно. Мы редко вспоминали о том большом промежутке, когда были потеряны друг для друга, и о том, что тогда произошло. Но всему приходит конец. Моя жена внезапно умерла во сне на восемьдесят седьмом году жизни. Я похоронил ее, глубоко скорбя, однако скорбь моя не была безутешной, ибо я знал, что скоро встречу и с ней, и со всеми другими, кого любил.

Там, на небесах, ждут меня моя мать, и сестра, и мои сыновья; там ожидает меня мой друг Куаутемок, последний император ацтеков, и многие другие, опередившие меня соратники по оружию; и там же, хотя она в этом сомневалась, встретит меня моя прекрасная, гордая Отоми. На небесах, которых я надеюсь достичь, все грехи моей юности и ошибки зрелого возраста будут преданы заб-

вению. Говорят, что там нет ни замужних, ни женатых, и это очень хорошо, потому что иначе я просто не знаю, как ужились бы между собой обе мои жены, гордая дочь Монтесумы и нежная дочь английского сквайра.

А теперь приступим к рассказу.

Глава II

СЕМЬЯ ТОМАСА ВИНГФИЛДА

Я, Томас Вингфилд, родился здесь, в Дитчингеме, в той самой комнате, где сейчас пишу. Мой отчий дом был выстроен или основательно переделан во времена царствования Генриха VII, но уже задолго до этого на том же месте стояло какое-то строение, известное под названием Сторожки Садовника. Здесь некогда жил сторож виноградника. В древности склоны холма, на котором стоит наш дом, омывали волны залива, а может быть, и открытого моря. Во времена эрла¹ Бигода весь холм был покрыт виноградниками; должно быть, климат был раньше мягче или земледельцы прежних веков искуснее. С тех пор прошло много лет, виноградные гроздья давно уже перестали здесь вызревать, однако имя «Графский Виноградник» так и осталось за всей этой местностью, расположенной между нашим домом и целебным источником, который бьет из-под земли в полумиле отсюда; чтобы искупаться в его водах, люди приезжают даже из Нориджа и Лоустофта. Но и по сей день здешние сады, защищенные от восточных ветров, зацветают на две недели раньше, чем во всей округе, и даже в майские холода здесь можно ходить без плаща, в то время как на вершине холма, на какие-нибудь двести шагов выше, дрожь пробирает даже под курткой из меха выдры.

«Сторожка» — так попросту называли стоявшее здесь строение — была вначале обыкновенным крестьянским домом. Обращенный окнами на юго-запад, он расположен так близко от берега, что кажется дамбой, которую вот-вот захлестнут волны Уэйвни, текущей совсем рядом среди низин и лугов. Но это впечатление обманчиво. Хотя осенью в сумерках его и окутывает мгла — так у нас в Норфолке называют стелющийся по земле туман, — хотя во время половодий река иной раз заливает на заднем дворе конюшни,

¹ Эрл — староанглийский титул знатного человека.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЧЬ МОНТЕСУМЫ

Перевод Ф. Мендельсона 5

ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ

Перевод Б. Грибанова 373

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Перевод А. Полошака 633

Хаггард Г. Р.

Х 13 Дочь Монтесумы ; Прекрасная Маргарет ; Перстень царицы Савской : романы / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. Ф. Мендельсона, Б. Грибанова, А. Полошака. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 896 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-16355-3

Генри Райдер Хаггард (1856–1925) — классик мировой приключенческой литературы, рыцарь-командор ордена Британской империи, публицист, политик и увлеченный исследователь, которого всю жизнь манили затерянные миры. Его романами зачитываются и поныне, герои Хаггарда вызывают искреннее восхищение — это отважные покорители морей и неизведанных земель, люди широкой натуры и твердого характера, готовые сражаться со злом во имя справедливости (с поправкой на точку зрения просвещенного империалиста, каковым являлся автор).

В этом томе собраны три знаменитых романа Хаггарда: «Дочь Монтесумы», «Прекрасная Маргарет» и «Перстень царицы Савской» — последний представлен в новом, полном переводе. Сборник иллюстрирован великолепной графикой известных художников — современников автора.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
ДОЧЬ МОНТЕСУМЫ
ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ
ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Валентина Гончар, Елена Терскова,
Валерий Камендо
Обработка иллюстраций Александра Лютикова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.07.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MPR-24797-01-R